Библіотека „Психотерапіи“ № 1.
Подъ редакціей д-ра мед. Н. А. Вырубова.

М 83/123
ф 176/13663

З. Фрейдъ.

Психологическіе этюды.

Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды. Поэтъ и фантазіи. «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность.

Изданіе 2-ое.

Москва.
1912 г.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1912 г.

Библіотека „Психотерапіи“ № 1.
Подъ редакціей д-ра мед. Н. А. Вырубова.

№ 83/123

З. Фрейдъ.

Психологическіе этюды.

Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды. Поэтъ и фантазіи. «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность.

Изданіе 2-ое.

Гл-ф29р

Учебн. и Румянцов. Музей. Библіотека

Москва.
1912 г.

2014028856

Предлагаемые вниманію читателей три этюда S. Freud'a въ переводѣ появились первоначально въ нашемъ журналѣ «Психотерапія». Попытка подойти съ методомъ психоанализа къ нѣкоторымъ психологическимъ явленіямъ, которую дѣлаетъ S. Freud въ этихъ этюдахъ, имѣетъ общее значеніе и представляетъ интересъ не только для спеціалистовъ врачей, но и для широкихъ круговъ читателей. Этимъ и обусловливается появленіе этюдовъ въ отдѣльномъ изданіи.

Н. А. Вырубовъ.

Навязчивыя дѣйствія и религіозные обряды.

Я, конечно, не первый, кому бросается въ глаза сходство между такъ назыв. навязчивыми дѣйствіями нервныхъ больныхъ и обрядами, въ которыхъ вѣрующій проявляетъ свою религіозность. За это говоритъ названіе «церемоніи», которыми обозначаютъ извѣстныя навязчивыя дѣйствія. Но это сходство, по моему, не только внѣшнее; такъ что проникнувъ въ происхожденіе невротическихъ „церемоній", можно было бы рискнуть, по аналогіи, сдѣлать заключеніе о душевныхъ процессахъ, связанныхъ съ религіозностью. Люди, которые страдаютъ навязчивыми дѣйствіями, или „церемоніями", а также и тѣ, которые страдаютъ навязчивыми идеями, представленіями, импульсами и т. д., принадлежатъ къ особой клинической группѣ, которая обозначается именемъ „навязчиваго невроза". Но не слѣдовало бы пытаться своеобразіе этого страданія выводить изъ его названія, такъ какъ, строго говоря, и другія патологическія душевныя явленія имѣютъ одинаковое право на такъ называемый „навязчивый характеръ". Вмѣсто этихъ опредѣленій должно имѣть мѣсто еще детальное ознакомленіе съ самимъ состояніемъ, что до сихъ поръ не удавалось; должно показать, вѣроятно, глубоко лежащій критерій навязчиваго невроза, существованіе котораго чувствуется во всѣхъ проявленіяхъ послѣдняго.

Невротическая церемонія состоитъ въ маленькихъ обрядахъ, аксессуарахъ, ограниченіяхъ, порядкахъ, которые проявляются при извѣстныхъ дѣйствіяхъ въ повседневной жизни или въ постоянно одинаковомъ видѣ, или съ опредѣленными измѣненіями. Это поведеніе производитъ на насъ впечатлѣніе простыхъ „формальностей“ и кажется намъ лишеннымъ всякаго смысла. Точно такимъ же оно кажется самому больному; тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи отъ него отказаться, такъ какъ каждое отклоненіе отъ церемоніи наказуется невыносимымъ страхомъ, который вынуждаетъ возобновить оставленное. Такими же ничтожными кажутся побужденія и дѣйствія, которыя посредствомъ церемоній пріукрашиваются, затрудняются и во всякомъ случаѣ замедляются, какъ напр., одѣваніе и раздѣваніе, укладываніе спать, удовлетвореніе физическихъ потребностей. Можно описать исполненіе церемоніи, изображая ее въ видѣ ряда неписанныхъ законовъ. Такъ, напр., при укладываніи въ постель: стулъ долженъ стоять въ такомъ то мѣстѣ передъ кроватью, на немъ должно быть сложено въ извѣстномъ порядкѣ платье; одѣяло должно быть въ ногахъ подоткнуто, простыня гладко разглажена; подушки должны быть такъ-то и такъ-то распредѣлены, само тѣло должно быть въ строго опредѣленномъ положеніи, и тогда только можно заснуть. Въ такихъ случаяхъ церемонія похожа на утрированіе привычной и законной любви къ порядку. Но особенная добросовѣстность выполненія и страхъ упущенія характеризуютъ церемонію какъ „священнодѣйствіе“. Помѣхи большею частью плохо переносятся; публичность, присутствіе постороннихъ при этомъ почти всегда исключается.

Навязчивыми дѣйствіями въ широкомъ смыслѣ могутъ сдѣлаться любыя дѣйствія, когда они пріукраши-

ваются маленькими аксессуарами или дѣлаются ритмическими посредствомъ паузъ и повтореній. Найти рѣзкую границу между „церемоніей“ и навязчивыми дѣйствіями нельзя. Большею частью навязчивыя дѣйствія произошли отъ церемоній. Рядомъ съ этимъ содержаніемъ страданія являются запреты и препятствія (абуліи), которые собственно только продолжаютъ дѣло навязчивыхъ дѣйствій, — больному нѣкоторыя вещи вообще не разрѣшены, другія только при соблюденіи предписанныхъ церемоній.

Удивительно то, что какъ вынужденіе, такъ и запрещеніе (одно необходимо сдѣлать, другое не должно дѣлать) вначалѣ относится только къ частной жизни человѣка, не касаясь долгое время его общественнаго поведенія. Поэтому подобные больные могутъ многіе годы смотрѣть на такое страданіе, какъ на ихъ личное дѣло и скрывать его. Кромѣ того, такими формами навязчиваго невроза страдаетъ гораздо больше людей, чѣмъ это извѣстно врачамъ. Скрываніе многими больными облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ состояніи одну часть дня прекрасно исполнять свои общественныя обязанности, посвятивъ въ уединеніи цѣлый рядъ часовъ своимъ таинственнымъ дѣйствіямъ.

Легко видѣть, въ чемъ состоитъ сходство невротической церемоніи съ священнодѣйствіемъ религіознаго ритуала: въ угрызеніяхъ совѣсти при неисполненіи, въ полной изоляціи (запрещеніе мѣшать) и въ добросовѣстномъ выполненіи мелочей. Но столь же очевидны и различія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ рѣзки, что они дѣлаютъ сближеніе святотатствомъ: большее индивидуальное разнообразіе церемоній въ противоположность стереотипности религіознаго ритуала (молитвы, и т. п.) частный характеръ перваго, публичность и общественный характеръ второго. Но главная разница въ томъ, что маленькіе аксессуары религіозной

церемоніи предполагаютъ символическій и разумный смыслъ, тогда какъ аксессуары церемоній невротическаго характера кажутся нелѣпыми и безсмысленными. Неврозъ навязчивости даетъ здѣсь полукомическую, полутрагическую карикатуру частной религіи. Между тѣмъ, именно, эта существеннѣйшая разница между невротической и религіозной церемоніей устраняется, когда съ помощью психо-аналитической техники изслѣдованія проникаешь въ пониманіе сущности навязчивыхъ дѣйствій. При этомъ изслѣдованіи кажущаяся безсмысленность и нелѣпость навязчивыхъ дѣйствій совершенно разсѣивается и находишь обоснованіе этого поведенія.

Узнаешь, что навязчивыя дѣйствія всѣ безъ изъятія и во всѣхъ своихъ деталяхъ полны смысла, отвѣчаютъ важнѣйшимъ интересамъ личности и выражаютъ какъ постоянныя переживанія, такъ и сопровождаемыя аффектами мысли, относящіяся къ этимъ переживаніямъ. Они дѣлаютъ это двояко: или непосредственно, или символически и поэтому ихъ можно объяснить или исторически, или символически.

Я не могу себѣ здѣсь отказать въ приведеніи нѣсколькихъ примѣровъ, которые должны пояснить этотъ взглядъ. Кто знакомъ съ выводами психо-аналитическаго изслѣдованія психоневрозовъ, того не удивитъ утвержденіе, что навязчивыя дѣйствія или продѣлываемыя церемоніи проистекаютъ изъ интимнѣйшей, большей частью сексуальной, жизни даннаго лица.

а) Одна дѣвушка, которую я наблюдалъ, вынуждена была послѣ умыванія много разъ выполаскивать умывальный тазъ. Значеніе этой церемоніи скрывалось въ пословицѣ „не выливай грязной воды раньше, чѣмъ у тебя есть чистая“. Эта церемонія должна была напоминать и удерживать любимую сестру отъ

развода съ нелюбимымъ мужемъ до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ лучшаго человѣка.

б) Одна женщина, разошедшаяся съ мужемъ, за ѣдой вынуждена была оставлять нетронутыми лучшіе куски; напр., отъ жаркого она отрѣзала только края. Это воздержаніе нашло себѣ объясненіе во времени, съ которымъ связано начало этой странности: она появилась въ тотъ день, когда паціентка заявила мужу о прекращеніи между ними супружескихъ отношеній, т.-е. отказала ему въ лучшемъ.

в) Эта же паціентка могла сидѣть только на одномъ опредѣленномъ стулѣ, съ трудомъ поднимаясь съ него. Стулъ въ связи съ извѣстными подробностями ея супружеской жизни символизировалъ мужа, которому она остается вѣрна. Въ поясненіе своей навязчивости она сказала: «разстаешься съ такимъ трудомъ съ тѣмъ (мужъ, стулъ), на чемъ разъ сидѣла».

г) Одно время она имѣла привычку повторять одинъ особенно странный и безсмысленный навязчивый поступокъ. Въ такіе моменты она выбѣгала изъ своей комнаты въ другую, посреди которой стоялъ столъ, поправляла извѣстнымъ образомъ лежавшую на немъ скатерть, бранила прислугу, которая должна была подойти къ столу, и снова отпускала ее съ ничтожнымъ порученіемъ. Стараясь объяснить эту странность, она вдругъ вспомнила, что указанная скатерть имѣла въ одномъ мѣстѣ некрасивое пятно и что каждый разъ она такъ поправляла скатерть, чтобы пятно кидалось въ глаза прислугѣ. Все это было воспроизведеніемъ случая изъ ея супружеской жизни и послужило впослѣдствіи матеріаломъ для трудно разрѣшимой загадки. Ея мужа постигла въ брачную ночь не необыкновенная неудача. Онъ оказался импотентнымъ и «въ теченіе ночи приходилъ къ ней въ комнату нѣсколько разъ», чтобы убѣдиться, не прошло ли это.

Утромъ онъ сказалъ, что ему стыдно передъ прислугой, которая будетъ убирать кровати. Онъ взялъ бутылочку съ красными чернилами и вылилъ на простыню, но такъ неудачно, что мѣсто не отвѣчало его намѣренію. Такимъ образомъ, своимъ «навязчивымъ дѣйствіемъ» она воспроизводила брачную ночь. «Столъ и кровать» эмблемы супружеской жизни.

д) Навязчивая потребность записывать каждый номеръ банковаго билета раньше, чѣмъ выпустить его изъ своихъ рукъ, тоже объясняется исторически. Въ то время, когда эта же паціентка носилась съ мыслью разойтись съ своимъ мужемъ, если она встрѣтитъ болѣе достойнаго довѣрія человѣка, она на одномъ курортѣ допускала вѣжливое ухаживаніе одного господина, насчетъ серьезности намѣреній котораго она всетаки сомнѣвалась. Однажды, нуждаясь въ мелкихъ деньгахъ, она попросила этого господина размѣнять ей бумажку въ пять кронъ. Исполнивъ ея просьбу, онъ спряталъ полученныя деньги, галантно замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда не разстанется съ этой бумажкой, такъ какъ она прошла черезъ ея руки. При дальнѣйшихъ встрѣчахъ она часто испытывала искушеніе просить его показать эту бумажку, чтобы убѣдиться, должна ли она придавать значеніе его увѣреніямъ. Однако, она этого не дѣлала, разумно разсудивъ, что нельзя отличить равноцѣнныя бумажки одну отъ другой. Сомнѣніе осталось, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ и оставило по себѣ вынужденіе записывать номеръ бумажки, посредствомъ чего можно одну бумажку отличить отъ другой, равноцѣнной.

Эти немногіе примѣры изъ обильнаго запаса, имѣющагося въ моемъ опытѣ, должны подтвердить высказанную мысль, что все въ навязчивыхъ дѣйствіяхъ имѣетъ смыслъ и можетъ быть объяснено. То же са-

мое относится и къ церемоніямъ, но здѣсь для доказательства вѣрности этого положенія потребуются болѣе обстоятельныя сообщенія. Я ни въ какомъ случаѣ не ошибаюсь насчетъ того, что мы при объясненіи навязчивыхъ дѣйствій на видъ какъ будто-бы удаляемся отъ круга идей, охватываемыхъ религіей.

Однимъ изъ условій болѣзни является то, что лицо, подверженное навязчивымъ дѣйствіямъ, не знаетъ ихъ значенія, по крайней мѣрѣ главнаго значенія. Только съ помощью психо-аналитической терапіи ему дѣлается понятнымъ смыслъ навязчивыхъ дѣйствій и этимъ самымъ и мотивы, побуждающіе къ нимъ. Это важное обстоятельство мы выражаемъ въ слѣдующихъ словахъ: навязчивыя дѣйствія служатъ для проявленія неосознанныхъ мотивовъ и представленій. Въ этомъ можно усмотрѣть новую разницу между навязчивыми дѣйствіями и проявленіемъ религіозности; но нужно помнить, что рядовой вѣрующій выполняетъ религіозные обряды обыкновенно, не справляясь съ ихъ значеніемъ, тогда какъ священникъ и ученый изслѣдователь могутъ, конечно, знать символическій смыслъ ритуала. Но мотивы, побуждающіе къ религіознымъ обрядамъ, неизвѣстны всѣмъ вѣрующимъ, или замѣщаются въ ихъ сознаніи другими выдвинутыми мотивами.

Анализъ навязчивыхъ дѣйствій далъ намъ почти возможность извѣстнымъ образомъ проникнуть въ ихъ причину и въ связь обусловливающихъ ихъ мотивовъ. Можно сказать, что больной, подверженный навязчивымъ дѣйствіямъ и запретамъ, ведетъ себя такъ, какъ будто онъ находится подъ властью сознанія вины, о которой онъ, конечно, не знаетъ, т.-е. безсознательнаго сознанія вины, какъ приходится здѣсь выразиться, несмотря на противорѣчіе въ этихъ словахъ. Это сознаніе вины коренится въ извѣстныхъ раннихъ ду-

шевныхъ переживаніяхъ, но находитъ постоянное освѣженіе въ искушеніи, возобновляющемся при каждомъ новомъ поводѣ, а съ другой стороны даетъ начало постоянно бдительной тревогѣ ожиданія (Erwartungsangst), ожиданія бѣды, которое, благодаря идеѣ возмездія, связано съ внутреннимъ ощущеніемъ искушенія. Въ самомъ началѣ развитія «невротической церемоніи» больному еще извѣстно, что онъ долженъ то или другое сдѣлать, иначе случится бѣда, и обыкновенно онъ сознаетъ, какого рода несчастіе его ожидаетъ. Но всегда очевидная связь между причиной, вызывающей тревогу ожиданія, и содержаніемъ, которымъ она грозитъ, эта связь отъ больного остается скрытой. Церемонія возникаетъ какъ оборона или застрахованіе, какъ защитная мѣра.

Чувству виновности больного, страдающаго навязчивымъ неврозомъ, соотвѣтствуютъ торжественныя увѣренія религіозныхъ людей, что въ душѣ они тяжелые грѣшники; значеніе оборонительной или защитной мѣры у религіозныхъ людей, повидимому, имѣютъ молитвы, призываніе Бога и т. п., съ которыми они приступаютъ ко всякому повседневному дѣлу, а иногда и къ необычному предпріятію.

Болѣе глубокое пониманіе механизма навязчиваго невроза можно получить, если обратить вниманіе на лежащій въ его основѣ первичный фактъ: это всегда подавленіе (вытѣсненіе) какого нибудь парціальнаго инстинкта (компонента сексуальнаго), который входилъ въ составъ организаціи даннаго лица; въ дѣтствѣ онъ временно проявился, а потомъ былъ подавленъ. Въ цѣляхъ этого инстинкта, при подавленіи его, возникаетъ особливая совѣстливость; но этотъ психическій замѣститель (Reactionsbildung) чувствуетъ себя неувѣренно, такъ какъ онъ находится подъ постоянной угрозой со стороны

подстерегающаго его въ безсознательномъ инстинкта. Вліяніе подавленнаго инстинкта ощущается какъ искушеніе; при самомъ процессѣ подавленія рождается страхъ, который овладѣваетъ въ видѣ тревоги ожиданія будущаго. Процессъ подавленія, ведущій къ навязчивому неврозу, можно назвать не совсѣмъ удавшимся, грозящимъ оказаться все болѣе неудачнымъ. А потому его можно приравнять къ неразрѣшенному конфликту; постоянно требуются все новыя психическія усилія, чтобы удержать въ равновѣсіи постоянный напоръ со стороны инстинкта. Такимъ образомъ, церемоніи и навязчивыя дѣйствія частью объясняются необходимостью обороны противъ искушенія, частью являются защитой отъ ожидаемой бѣды. Но вскорѣ эти защитительныя мѣры оказываются недостаточными въ борьбѣ съ искушеніемъ и тогда выступаютъ запреты, назначеніе которыхъ отдалить искушеніе. Запреты, какъ это видно, также замѣщаютъ собой навязчивыя дѣйствія, какъ фобіи—истерическій припадокъ. Въ другомъ случаѣ «церемоніи» являютъ собой совокупность условій, при которыхъ нѣкоторое еще не абсолютно запрещенное, разрѣшено. Совсѣмъ такъ, какъ церковная церемонія брака разрѣшаетъ набожному половое наслажденіе, вообще считающееся грѣховнымъ. Навязчивый неврозъ, какъ и всѣ подобныя страданія, характеризуется еще тѣмъ, что его проявленія (симптомы и среди нихъ навязчивыя дѣйствія) выполняютъ условіе компромисса между борющимися душевными силами. Эти проявленія всегда приносятъ съ собой немного изъ того удовольствія, которое они предназначены устранить, и служатъ подавленному инстинкту не меньше, чѣмъ подавляющимъ его инстанціямъ. Съ прогрессомъ болѣзни явленія, первоначально скорѣе игравшія роль защиты, все болѣе приближаются къ тѣмъ запрещеннымъ дѣйствіямъ, по-

средствомъ которыхъ инстинктъ долженъ былъ проявляться въ дѣтствѣ.

Приблизительно слѣдующее, сходное съ описаннымъ положеніемъ вещей, можно встрѣтить и въ области религіозной жизни. И развитіе религіи построено на подавленіи инстинкта, на воздержаніи отъ удовлетворенія извѣстныхъ стремленій. Но здѣсь это не такъ, какъ при неврозѣ, исключительно сексуальные компоненты, а эгоистическіе, соціально-вредные инстинкты, которые, впрочемъ, часто не лишены сексуальнаго придатка. Сознаніе вины, какъ слѣдствіе неугасимаго искушенія, тревога ожиданія, какъ страхъ передъ божьимъ судомъ, въ области религіи стали извѣстны раньше, чѣмъ въ области неврозовъ. Благодаря-ли примѣшаннымъ сексуальнымъ компонентамъ, вслѣдствіе ли вообще особыхъ свойствъ, присущихъ инстинкту, но и въ религіозной жизни подавленіе инстинкта достигается не въ полной мѣрѣ и не совершенное. Повторное впаденіе въ грѣхъ у религіозныхъ людей встрѣчается даже чаще, чѣмъ у невротиковъ и даетъ основаніе для новаго проявленія религіозности—покаянія; сходное съ этимъ послѣднимъ встрѣчается и при навязчивомъ неврозѣ.

Своеобразный и унизительный характеръ невроза навязчивыхъ состояній мы видимъ въ томъ, что церемоніи касаются мелкихъ поступковъ повседневной жизни и проявляются въ нелѣпыхъ предписаніяхъ и ограниченіяхъ послѣдней. Понять эту странную черту въ построеніи картины болѣзни можно только тогда, когда узнаешь,—на что я впервые указалъ въ анализѣ строенія сна [1]),—что душевными процессами при неврозѣ навязчивыхъ состояній управляетъ механизмъ психическаго замѣщенія. Изъ немногихъ выше-

---

[1]) Die Traumdeutung.

приведенныхъ примѣровъ ясно видно, какъ въ замѣщеніи подлиннаго и важнаго ничтожнымъ, напр., мужа стуломъ,—совпадаютъ символика и детали выполненія. Эта склонность къ замѣщенію и является причиной постояннаго все большаго измѣненія картины болѣзни, и въ концѣ концовъ она ведетъ къ тому, что дѣлаетъ на видъ ничтожное важнымъ и настоятельнымъ. Нельзя не замѣтить той же самой склонности къ замѣщенію психической цѣнности, и даже въ одинаковомъ смыслѣ, и въ области религіозной: постепенно ничтожныя перемоніи, сопровождающія богослуженіе, занимаютъ первенствующее мѣсто, вытѣсняя внутреннее содержаніе послѣдняго. Поэтому религіи и подвергаются отъ времени до времени реформамъ, цѣль которыхъ возстановить первоначальную цѣнность вещей.

Компромиссный характеръ навязчивыхъ дѣйствій, какъ невротическихъ симптомовъ, менѣе всего можно замѣтить въ соотвѣтствующемъ религіозномъ поведеніи. И все-таки приходитъ въ голову и эта черта невроза, когда вспоминаешь, какъ часто дѣйствія, которыя религія запрещаетъ,—проявленіе подавленныхъ религіей страстей,—совершаются именно во имя и якобы на пользу религіи.

На основаніи этого сходства и аналогіи можно было бы смотрѣть на навязчивый неврозъ, какъ на патологическую копію развитія религіи, опредѣлить неврозъ какъ индивидуальную религіозность, религію какъ всеобщій неврозъ навязчивыхъ состояній. Важнѣйшее сходство состояло бы въ лежащемъ въ основѣ фактѣ воздержанія отъ удовлетворенія природныхъ страстей, существеннѣйшая разница—въ природѣ этихъ страстей, которыя при неврозѣ исключительно сексуальнаго происхожденія, въ религіи—эгоистическаго.

Однимъ изъ основныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества является, повидимому, прогрессивное отреченіе отъ природныхъ страстей, удовлетвореніе которыхъ гарантируетъ элементарное наслажденіе нашему «я». Часть этого процесса подавленія совершается въ пользу религіи, которая заставляетъ всякаго приносить въ жертву Божеству свое стремленіе къ наслажденію. «Мнѣ отомщеніе», говоритъ Господь. Изъ исторіи развитія древнихъ религій мы видимъ, что многое, отъ чего человѣкъ отказался какъ отъ «преступленія», уступлено Богу и разрѣшается только во имя Бога, такъ что передача Божеству была тѣмъ путемъ, на которомъ человѣкъ освободился отъ господства злыхъ, соціально-вредныхъ стремленій. А потому, съ одной стороны, не случайность то, что древнимъ богамъ приписаны въ неограниченной мѣрѣ всѣ человѣческія свойства съ проистекающимъ отъ нихъ зломъ; съ другой стороны, нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что все-таки не позволено оправдывать собственное преступленіе божественнымъ примѣромъ.

Поэтъ и фантазіи.

Насъ, профановъ, всегда сильно занималъ вопросъ, откуда поэтъ—эта удивительная личность, черпаетъ матеріалъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ задалъ этотъ вопросъ извѣстный кардиналъ Аріосто,—и какъ ему удается такъ насъ затронуть, вызвать въ насъ такія переживанія, на какія мы никогда не считали бы себя способными. Нашъ интересъ къ этому увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ поэтъ, когда мы задаемъ ему этотъ вопросъ, не можетъ намъ дать или никакого, или удовлетворяющаго отвѣта; нашъ интересъ нисколько не уменьшается отъ сознанія, что ни лучшее проникновеніе въ условія выбора поэтическаго матеріала, ни знаніе сути процесса поэтическаго творчества, ничто не приведетъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ насъ самихъ поэтовъ.

Если бы могли по крайней мѣрѣ найти въ себѣ или похожихъ на насъ хоть нѣчто родственное поэту! Изслѣдованіе послѣдняго вопроса даетъ намъ надежду ближе подойти къ пониманію сути поэтическаго творчества. И въ самомъ дѣлѣ, есть основаніе надѣяться. Сами поэты любятъ уменьшать разстояніе между собою и рядовыми людьми: они насъ такъ часто увѣряютъ, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ поэтъ и что послѣдній поэтъ исчезнетъ съ послѣднимъ человѣкомъ.

Не искать ли намъ первыхъ слѣдовъ поэтическаго творчества уже у дѣтей? Самое любимое и интенсивное занятіе дѣтей—игра. Быть можетъ, намъ слѣдуетъ сказать: каждое играющее дитя ведетъ себя какъ поэтъ, когда оно создаетъ себѣ свой собственный міръ, или правильнѣе говоря, когда оно окружающій его міръ перестраиваетъ по новому, по своему вкусу. Было бы несправедливо думать, что ребенокъ смотритъ на созданный имъ міръ не серьезно; наоборотъ, онъ относится къ игрѣ очень серьезно, вноситъ въ нее много одушевленія. Противоположеніе игрѣ не серьезность, но—дѣйствительность. Ребенокъ прекрасно отличаетъ, не смотря на все увлеченіе, созданный имъ міръ отъ дѣйствительнаго и охотно ищетъ опоры для воображаемыхъ объектовъ и отношеній въ осязаемыхъ и видимыхъ предметахъ дѣйствительной жизни. Не что другое, какъ эта опора, отличаетъ «игру» ребенка отъ «фантазированія».

Поэтъ дѣлаетъ то же, что играющее дитя; онъ создаетъ міръ, къ которому относится очень серьезно, т. е. вноситъ много увлеченія, въ то же время рѣзко отдѣляя его отъ дѣйствительности. И языкъ закрѣпилъ это родство между игрой ребенка и поэтическимъ творчествомъ, когда назвалъ такія созданія поэта, которыя нуждаются въ опорѣ въ осязаемыхъ предметахъ и могутъ быть представленными, игрой: Spiel, Lustspiel, Trauerspiel, а лицо изображающее—Schauspieler. Но изъ нереальности поэтическаго міра проистекаютъ очень важныя для художественной техники послѣдствія, такъ какъ многое, что въ дѣйствительности не могло бы доставить наслажденія, даетъ его въ игрѣ; многія, сами по себѣ собственно непріятныя, впечатлѣнія могутъ являться источникомъ наслажденія для слушателей или зрителей поэтическаго произведенія.

Остановимся на одну минуту еще по другому поводу на противоположности между игрой и дѣйствительностью. Когда дитя подрастаетъ и перестаетъ играть, когда оно годами душевныхъ усилій научилось воспринимать дѣйствительную жизнь съ требуемой серьезностью, тогда оно въ одинъ прекрасный день можетъ придти въ такое душевное состояніе, которое снова воздвигаетъ контрастъ между игрой и дѣйствительностью. Взрослый можетъ вспомнить, съ какой серьезностью онъ въ свое время занимался играми, и когда онъ теперь сравниваетъ свои мнимо серьезныя занятія съ тѣми дѣтскими играми, онъ отбрасываетъ слишкомъ тяжелый гнетъ жизни и добивается высокаго наслажденія, даваемаго юморомъ. Подростающій ребенокъ перестаетъ, такимъ образомъ, играть; онъ на видъ отказывается отъ наслажденія, которое ему приносила игра, но кто знакомъ съ душевной жизнью человѣка, тотъ знаетъ, что наврядъ ли что нибудь дается съ большимъ трудомъ, чѣмъ отказъ отъ когда-то испытаннаго наслажденія. Собственно мы и не можемъ отъ чего либо отказаться, мы можемъ только замѣнить одно другимъ; то, отъ чего какъ будто отказываешься въ дѣйствительности, только замѣняется какимъ нибудь суррогатомъ. Точно такъ же и подрастающій ребенокъ: когда онъ перестаетъ играть, онъ собственно отказывается не отъ чего другого, какъ отъ исканія опоры въ реальныхъ предметахъ; вмѣсто игры онъ теперь фантазируетъ. Онъ строитъ воздушные замки, творитъ то, что называютъ «снами на яву». Я думаю, что большинство людей временами фантазируютъ. Это фактъ, котораго долгое время не замѣчали и который поэтому недостаточно оцѣнивали.

Фантазированіе взрослыхъ труднѣе наблюдать, нежели игры дѣтей. Ребенокъ, хотя тоже играетъ одинъ

или образуетъ съ другими дѣтьми тайную психическую организацію для цѣлей игры, но, если онъ передъ взрослыми и ничего не изображаетъ, то вѣдь онъ и не скрываетъ своихъ игръ отъ нихъ. А взрослый стыдится своихъ фантазій и прячетъ ихъ отъ другихъ; онъ скрываетъ ихъ, какъ свои сокровеннѣйшія тайны, и охотнѣе признается въ своихъ проступкахъ, чѣмъ откроетъ свои фантазіи. Возможно, что онъ вслѣдствіе этого считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, который имѣетъ подобныя фантазіи, и не имѣетъ представленія о широкомъ распространеніи подобнаго же творчества среди другихъ. Это различное поведеніе играющаго ребенка и фантазирующаго взрослаго находитъ себѣ полное основаніе въ мотивахъ обоихъ дѣйствій, изъ которыхъ одно все же является продолженіемъ другого.

Игрой ребенка управляютъ желанія, собственно одно желаніе, помогающее ребенка воспитывать,—желаніе быть большимъ и взрослымъ. Онъ постоянно играетъ «во взрослаго», воспроизводитъ въ игрѣ то, что онъ узналъ изъ жизни взрослыхъ. У него, такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія скрывать это желаніе. Другое—у взрослаго; этотъ, съ одной стороны, знаетъ, чего отъ него ждутъ—не игръ и фантазій, а умѣнія оріентироваться въ дѣйствительной жизни; съ другой стороны, между желаніями, порождающими фантазіи, есть такія, которыя онъ вообще долженъ скрывать, а потому онъ стыдится своихъ фантазій, какъ ребяческихъ и недозволенныхъ.

Могутъ спросить, откуда можно съ увѣренностью говорить о фантазіяхъ человѣка, разъ онъ ихъ опутываетъ такой тайной. Но существуетъ группа людей, которую, хотя не богъ, но одна строгая богиня — необходимость—заставляетъ сказать, отъ чего они страдаютъ и что ихъ радуетъ: это нервные люди, кото-

рые должны довѣрить врачу, отъ психическаго леченія котораго они ждутъ возстановленія здоровья, свои фантазіи. Изъ этого источника проистекаетъ наша освѣдомленность, и тогда мы приходимъ къ достаточно обоснованному мнѣнію, что наши больные не могутъ намъ сообщить ничего такого, чего бы мы не могли узнать отъ здоровыхъ.

Познакомимся съ нѣкоторыми особенностями фантазій. Нужно сказать, что фантазируетъ отнюдь не счастливый, а только неудовлетворенный. Неудовлетворенныя желанія — побудительные стимулы фантазій; каждая фантазія это — осуществленіе желанія, коррективъ къ неудовлетворяющей дѣйствительности. Побуждающія желанія различны въ зависимости отъ пола, характера и житейскаго положенія личности; но ихъ можно, не прибѣгая къ натяжкамъ, группировать въ двухъ главныхъ направленіяхъ: это или честолюбивыя желанія, которыя служатъ къ возвеличенію личности, или эротическія. У молодыхъ женщинъ желанія почти исключительно эротическія, такъ какъ ихъ честолюбіе обыкновенно поглощается стремленіемъ къ любви; у молодыхъ людей наряду съ эротическими достаточно сильно пробиваются самолюбивыя и честолюбивыя мечты. Но не будемъ подчеркивать различія обоихъ видовъ; укажемъ, наоборотъ, на ихъ частое сходство. Какъ во многихъ запрестольныхъ образахъ въ одномъ углу видно изображеніе учредителя, такъ точно мы можемъ въ большинствѣ фантазій, удовлетворяющихъ честолюбіе, въ какомъ нибудь уголкѣ открыть «даму», для которой фантазирующій совершаетъ всѣ эти героическіе поступки, къ ногамъ которой онъ складываетъ всѣ результаты ихъ. Вы видите здѣсь достаточно сильные мотивы для скрыванія. За хорошо воспитанной женщиной вообще признается minimum сексуальныхъ потребностей: а моло-

дой человѣкъ долженъ научиться подавлять въ себѣ избытокъ честолюбія, привитаго избалованнымъ дѣтствомъ, чтобы завоевать мѣсто въ обществѣ, богатомъ такими же многопретендующими людьми.

Продукты этого фантазированія, отдѣльныя фантазіи, воздушные замки или «сны на яву» мы не должны представлять себѣ застывшими и неизмѣнными. Они скорѣе приноравливаются къ измѣняющимся житейскимъ вліяніямъ, измѣняются съ каждымъ колебаніемъ житейскаго положенія, получаютъ отъ дѣйствія каждаго новаго впечатлѣнія такъ называемую «печать времени». Отношеніе между фантазіей и временемъ вообще очень значительно. Нужно сказать: фантазія какъ будто витаетъ между тремя періодами, между тремя моментами развитія нашихъ представленій. Психическая работа начинается отъ дѣйствующаго впечатлѣнія, отъ повода, дѣйствующаго въ настоящемъ времени, который въ состояніи пробудить одно изъ сильныхъ желаній личности; отсюда она переносится воспоминаніемъ на раннее, большею частью дѣтское, переживаніе, въ которомъ это желаніе осуществлялось, и теперь создаетъ положеніе, относящееся къ будущему, положеніе, которое является осуществленіемъ стараго желанія, словомъ «сонъ на яву» или фантазію. Эта послѣдняя теперь носитъ только слѣды своего происхожденія отъ повода, вызвавшаго психическую работу, и отъ дѣтскаго воспоминанія. Итакъ, прошедшее, настоящее и будущее нанизаны на нити пробѣгающаго желанія.

Простѣйшій примѣръ можетъ пояснить мое построеніе. Возьмемъ бѣднаго сироту — юношу, которому вы дали адресъ работодателя, у котораго онъ, быть можетъ, найдетъ мѣсто. По дорогѣ туда онъ будетъ мечтать соотвѣтственно своему настоящему положенію. Содержаніемъ фантазіи будетъ приблизительно слѣ-

дующее: онъ получаетъ мѣсто, приходится по душѣ хозяину, дѣлается необходимымъ въ дѣлѣ, принятъ въ семью хозяина, женится на его прелестной дочкѣ, дѣлается сначала компаніономъ въ дѣлѣ, а потомъ и наслѣдникомъ его; при этомъ мечтатель возвращаетъ себѣ то, чѣмъ онъ обладалъ въ дѣтствѣ: охраняющій кровъ, любящихъ родителей и первые объекты нѣжной привязанности. Вы видите, какъ желаніе пользуется поводомъ въ настоящемъ, чтобы по образцу прошлаго создать картину будущаго.

Можно было бы еще многое сказать объ этихъ фантазіяхъ, но я хочу ограничиться кратчайшими указаніями. Мечты о всемогуществѣ, о преобладаніи, сдѣлаться «сверхсильнымъ», создаютъ условія для впаденія въ неврозъ или психозъ; фантазіи являются также ближайшими душевными предшественниками симптомовъ страданія, на которые больной жалуется. Отсюда отходитъ широкая окольная дорога къ патологіи.

Но я не могу также не указать на отношеніе фантазіи къ сновидѣніямъ. Наши сны суть не что иное, какъ тѣ же фантазіи, какъ это можно доказать объясненіемъ значенія сновъ. Языкъ въ своей несравненной мудрости давно опредѣлилъ сущность сновъ, назвавъ воздушныя построенія мечтателей также «снами на яву» (Tagträume). И если, не смотря на это указаніе, смыслъ нашихъ сновъ по временамъ все-таки остается неяснымъ, то это зависитъ только отъ того обстоятельства, что и ночные сны пробуждаютъ въ насъ такія желанія, которыхъ мы стыдимся, которыя мы должны скрывать отъ самихъ себя и которыя поэтому вытѣсняются въ область безсознательнаго. Такимъ подавленнымъ желаніямъ и ихъ отпрыскамъ можно только позволить проявиться въ сильно искаженномъ видѣ. Послѣ того какъ научнымъ изысканіямъ удалось установить искаженіе сновъ, не

трудно увидѣть, что сны представляютъ такое же осуществленіе желаній, какъ и «сны на яву», всѣмъ намъ хорошо знакомыя фантазіи.

Такъ много о фантазіяхъ, теперь—къ поэту! Должны ли мы дѣйствительно рискнуть сравнить поэта съ «спящимъ средь бѣла дня», творенія перваго—съ дневными сновидѣніями второго? Тутъ напрашивается первое отличіе: мы должны отличать поэтовъ, пользующихся готовымъ матеріаломъ, какъ древніе творцы эпоса и трагики, отъ тѣхъ, которые создаютъ матеріалъ какъ будто сами. Возьмемъ послѣднихъ и не будемъ искать для нашего сравненія тѣхъ поэтовъ, которые высоко чтутся критикой; возьмемъ непритязательныхъ писателей романовъ, новеллъ и разсказовъ, которые имѣютъ многочисленнѣйшихъ и усерднѣйшихъ читателей. Въ произведеніяхъ этихъ писателей особенно бросается въ глаза одна черта: въ центрѣ всѣхъ этихъ произведеній стоитъ герой, къ которому авторъ старается всѣми силами возбудить наши симпатіи и котораго онъ съ особенной тщательностью оберегаетъ. Если я оставилъ его въ концѣ одной главы въ безсознательномъ состояніи, истекающимъ кровью отъ тяжелыхъ ранъ, то я увѣренъ, что въ началѣ второй я найду за нимъ заботливый уходъ и онъ будетъ на пути къ выздоровленію, и если первая часть романа кончалась бурей на морѣ и гибелью судна, на которомъ находился герой, то въ началѣ второй части я несомнѣнно узнаю о его чудесномъ спасеніи, безъ чего немыслимо продолженіе романа. Чувство увѣренности, съ которымъ я провожалъ героя черезъ всѣ опасности, связанныя съ его судьбой, есть то самое, съ которымъ настоящій герой кидается въ воду спасать утопающаго или бросается въ непріятельскій огонь, чтобы взять приступомъ батарею; собственно это—то геройское чувство, которое нашло прекрасное выраженіе въ слѣ-

дующихъ словахъ нашего лучшаго поэта: «Es kann dir nie g'schehen» [1]). Но я думаю, что въ этомъ предательскомъ признакѣ невредимости можно безъ труда узнать его величество «я», героя всѣхъ «сновъ на яву», какъ и всѣхъ романовъ.

Еще и другія черты этихъ эгоцентрическихъ разсказовъ указываютъ на то же родство. Если почти всѣ женщины въ романѣ влюбляются въ героевъ, то едва ли слѣдуетъ на это смотрѣть, какъ на изображеніе дѣйствительности, но легко понять какъ постоянную принадлежность «сна на яву», точно такъ же, какъ рѣзкое дѣленіе остальныхъ персонажей на добрыхъ и злыхъ, въ отличіе отъ наблюдаемой въ дѣйствительности пестроты человѣческихъ характеровъ. Добрые—это помощники, злые—враги и конкуренты сдѣлавшагося героемъ «я».

Я нисколько не игнорирую того обстоятельства, что очень многія поэтическія произведенія весьма далеко стоятъ отъ образца наивнаго «сна на яву», но я не могу отказаться отъ мысли, что образующаяся пропасть между самыми крайними уклоненіями и этимъ образцомъ можетъ совершенно заполниться рядомъ переходовъ, связанныхъ съ этимъ послѣднимъ.

Во многихъ, такъ называемыхъ психологическихъ, романахъ мнѣ бросалось въ глаза, что только одно лицо, опять герой, описывается путемъ самонаблюденія; въ его душѣ сидитъ какъ будто писатель и извнѣ наблюдаетъ остальныхъ. Психологическій романъ въ общемъ своей особенностью обязанъ склонности современнаго писателя посредствомъ самонаблюденія раздроблять свое «я» на части и вслѣдствіе этого персонифицировать въ нѣсколькихъ герояхъ свои душевные конфликты. Въ совершенно особомъ противорѣчіи съ типомъ «сновъ на яву» стоятъ какъ будто романы, ко-

---

[1]) Anzengruber.

торые можно было бы назвать «эксцентрическими», въ которыхъ лицо, назначенное быть героемъ, играетъ ничтожную активную роль и является скорѣе наблюдателемъ поступковъ и страданій другихъ, проходящихъ мимо него. Таковы, напр., многіе позднѣйшіе романы Zola. Однако я долженъ замѣтить, что психологическій анализъ не писателей, но людей, во многихъ отношеніяхъ уклонившихся отъ такъ называемой нормы, показалъ аналогичныя варіаціи «сновъ на яву», въ которыхъ «я» ограничивается ролью зрителя.

Чтобы наше сравненіе писателя съ мечтателемъ, поэтическаго произведенія со «сномъ на яву» было цѣннымъ, оно должно прежде всего въ какомъ нибудь отношеніи оказаться плодотворнымъ. Попробуемъ наше выше высказанное положеніе о связи фантазіи съ тремя періодами времени и пробѣжавшимъ желаніемъ примѣнить къ произведеніямъ писателя и съ помощью этого разсмотрѣть, въ какой связи находятся творенія писателя съ его жизнью. Обыкновенно не знали, чего можно ждать отъ разрѣшенія этого вопроса, часто представляли себѣ эту связь слишкомъ простой. Изъ пониманія сущности фантазіи мы должны здѣсь себѣ представить слѣдующее положеніе вещей: сильное настоящее переживаніе будитъ въ писателѣ старое воспоминаніе, большею частью относящееся къ дѣтскому переживанію, исходному пункту желанія, которое находитъ осуществленіе въ произведеніи. Въ самомъ произведеніи можно увидѣть какъ элементы новаго порядка, такъ и старое воспоминаніе.

Не слѣдуетъ пугаться сложности этой формулы; я думаю, что на самомъ дѣлѣ она окажется слишкомъ недостаточной схемой. Однако въ ней всетаки можно усмотрѣть первое приближеніе къ дѣйствительному пониманію положенія вещей, и послѣ нѣсколькихъ предпринятыхъ мною попытокъ я могу думать, что

такое пониманіе творчества можетъ быть не безплоднымъ. Не забывайте, что быть можетъ странное подчеркиваніе роли дѣтскаго воспоминанія въ жизни писателя въ послѣднемъ счетѣ проистекаетъ изъ предположенія, что творчество, какъ и «сонъ на яву», является продолженіемъ и замѣной старой дѣтской игры. Остановимся на тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ мы должны видѣть не свободный полетъ фантазіи, а обработку готоваго и знакомаго матеріала. И здѣсь писателю остается большая доля самостоятельности, которая выражается въ выборѣ матеріала и въ часто далеко заходящемъ измѣненіи его. Но поскольку матеріалъ дается готовымъ, онъ беретъ начало изъ народной сокровищницы миѳовъ, сагъ и сказокъ. Изслѣдованіе народно-психологическаго творчества ни въ какомъ случаѣ нельзя считать законченнымъ, но изъ анализа миѳовъ, напр., вполнѣ допустимо заключить, что они соотвѣтствуютъ искаженнымъ остаткамъ желаній-фантазій цѣлыхъ народностей, столѣтнимъ мечтамъ первобытнаго человѣчества.

Мнѣ могутъ сказать, что я гораздо больше говорилъ о фантазіяхъ, чѣмъ о поэтѣ, который однако тоже фигурируетъ въ названіи моей статьи. Я это знаю и пытаюсь это оправдать не совершеннымъ состояніемъ нашего знанія. Я могъ только указать на ту потребность и на тѣ поощренія къ сближенію, которыя напрашиваются при изученіи фантазіи и вопроса о поэтическомъ выборѣ матеріала. Другого вопроса, какимъ путемъ поэтъ своими произведеніями вызываетъ въ насъ возбужденіе аффектовъ, мы вообще еще не коснулись. Я хотѣлъ бы еще только указать, какой путь ведетъ отъ нашего разрѣшенія смысла фантазіи къ вопросамъ поэтическихъ эффектовъ.

Вы помните, я сказалъ, что мечтатель заботливо скрываетъ свои фантазіи отъ другихъ, такъ какъ чув-

ствуетъ, что есть основаніе стѣсняться ихъ. Я еще прибавлю, что, если бы онъ даже сообщилъ ихъ, онъ не могъ бы доставить намъ наслажденіе этой откровенностью. Если мы ихъ узнаемъ, онѣ насъ оттолкнутъ или въ лучшемъ случаѣ мы останемся равнодушными къ нимъ. Но, когда писатель читаетъ намъ свое произведеніе или мы видимъ на сценѣ то, что мы склонны объяснить какъ его «сны на яву», мы получаемъ высокое наслажденіе, имѣющее, вѣроятно, много источниковъ. Какъ это удается писателю?—это его сокровеннѣйшая тайна; въ техникѣ преодолѣнія того, что насъ отталкиваетъ и что, несомнѣнно, представляетъ средостѣніе, находящееся между нашимъ «я» и остальными, лежитъ истинная Ars poetica. Мы можемъ предположить двухъ родовъ средства: писатель смягчаетъ характеръ эгоистическихъ «сновъ на яву» измѣненіями и затушевываніями и подкупаетъ насъ чисто формальными, т. е. эстетическими наслажденіями, которыя онъ даетъ при изображеніи своихъ фантазій. Такое наслажденіе, данное намъ съ цѣлью вызвать этимъ путемъ изъ глубоко лежащихъ психическихъ источниковъ еще большее наслажденіе, называется заманивающей преміей (Verlockungsprämie) или преддверіемъ наслажденія (Vorlust). Я того мнѣнія, что всякое эстетическое наслажденіе, данное намъ писателемъ, носитъ характеръ этого «преддверія наслажденія» и что настоящее наслажденіе отъ поэтическаго произведенія объясняется освобожденіемъ отъ напряженія душевныхъ силъ. Быть можетъ, этому не мало способствуетъ и то обстоятельство, что писатель приводитъ насъ въ такое состояніе, когда мы можемъ тутъ же получать удовольствіе отъ собственныхъ фантазій, не испытывая ни стыда, ни упрековъ за нихъ. Здѣсь мы стоимъ у входа передъ новыми, интересными и сложныли изысканіями, но на этотъ разъ довольно.

«Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность.

Въ своей недавно [1]) вышедшей «Сексуальной этикѣ» Ehrenfels останавливается на разсмотрѣніи разницы между «природной» и «культурной» сексуальной моралью.

Подъ «природной» сексуальной моралью нужно понимать ту, при господствѣ которой человѣчество можетъ долго сохранить здоровье и жизнедѣятельность; подъ культурной ту, которая скорѣе побуждаетъ человѣчество къ интенсивной и продуктивной культурной работѣ. Эта противоположность яснѣе всего видна при сопоставленіи органическаго и культурнаго достоянія націи. Отсылая читателя для дальнѣйшей оцѣнки этихъ цѣнныхъ мыслей къ самому Ehrenfels'у, я хочу воспользоваться этой книгой постольку, поскольку она связана съ моими собственными взглядами на этотъ предметъ.

Мысль автора сводится къ тому, что при господствѣ «культурной» сексуальной морали здоровье и жизнедѣятельность отдѣльныхъ людей могутъ подвергаться ущербу и что, въ концѣ концовъ, вредъ для людей отъ принесенной жертвы можетъ достигнуть такого размѣра, что на этомъ окольномъ пути сама культурная цѣль подвергается опасности. Ehrenfels

---

[1]) Статья проф. Freud'а написана въ 1908 г.

указываетъ дѣйствительно на рядъ вредныхъ сторонъ, присущихъ сексуальной морали, господствующей въ нашемъ европейскомъ обществѣ, и за которую онъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ то же общество. И хотя онъ вполнѣ признаетъ высокое значеніе этой морали для требованій культуры, однако, онъ находитъ необходимымъ ее реформировать. Для господствующей у насъ сексуальной культурной морали характерно распространеніе требованій, предъявляемыхъ къ женщинамъ, на половую жизнь мужчинъ и запрещеніе всякой половой жизни за исключеніемъ брачно-моногамной. Взглядъ на природное различіе половъ вынуждаетъ относиться менѣе строго къ проступкамъ мужчинъ и, такимъ образомъ, фактически допустить для нихъ двойную мораль. Но общество, допускающее эту двойную мораль, не можетъ имѣть для «правдолюбія, честности и гуманности» [1]) одного опредѣленнаго, строго-выдержаннаго мѣрила и должно пріучать своихъ членовъ къ прикрыванію правды, замазыванію и самообману, какъ и къ обману другихъ. Еще вреднѣе дѣйствуетъ культурная сексуальная мораль прославленіемъ моногаміи, тѣмъ самымъ уничтожая факторъ мужского отбора, тогда какъ только черезъ его вліяніе возможно улучшеніе организаціи, такъ какъ жизненный отборъ у культурныхъ народовъ низведенъ до minimum'а, благодаря гуманности и гигіенѣ [2]).

Среди отрицательныхъ сторонъ, которыя ставятся въ вину культурной сексуальной морали, врачъ все-же упускаетъ изъ вида одну, значеніе которой здѣсь должно бы быть особенно обстоятельно разсмотрѣно. Я имѣю въ виду присущее этой морали вліяніе на такъ быстро распространяющуюся въ нашемъ совре-

---

[1]) Сексуальная этика.

[2]) Тамъ-же.

менномъ обществѣ нервность. Случайно самъ больной обращаетъ вниманіе врача, какъ на причину болѣзни, на противорѣчіе между конституціей и требованіемъ культуры, когда онъ говоритъ: „Мы въ нашей семьѣ всѣ сдѣлались нервными, потому что мы хотѣли быть лучше, нежели мы это можемъ по своему происхожденію“. Кромѣ того, врача заставляютъ задуматься и наблюденія, что потомки тѣхъ отцовъ подвергаются нервозности, которые, живя при здоровыхъ деревенскихъ условіяхъ и происходя изъ грубыхъ, но здоровыхъ семей, приходятъ, какъ завоеватели, въ большіе города и въ короткій промежутокъ времени заставляютъ своихъ дѣтей подняться на высокій культурный уровень. Но прежде всего сами невропатологи громко заявили о связи между „растущей нервностью“ и современной культурной жизнью. Въ чемъ они ищутъ обоснованія этой зависимости, покажутъ нѣкоторыя выдержки изъ мнѣній выдающихся наблюдателей.

W. Erb [1]): «Первоначально поставленный вопросъ сводится къ слѣдующему: возрасли ли въ нашемъ современномъ обществѣ причины нервозности въ такой мѣрѣ, что бы онѣ могли объяснить значительное распространеніе ея? И на этотъ вопросъ должно, не задумываясь, отвѣтить положительно, какъ это покажетъ бѣглый взглядъ на нашу современную жизнь, на ея формы. Уже изъ цѣлаго ряда обыденныхъ фактовъ это ясно видно: необыкновенные успѣхи новѣйшаго времени, открытія и изобрѣтенія въ разныхъ областяхъ, сохраненіе пріобрѣтеннаго при растущей конкуренціи были достигнуты только съ помощью большой духовной работы и могутъ быть сохранены съ ея же помощью. Требованія къ работоспособности

---

[1]) Ueber die wachsende Nervosität unserer Zeit. 1893.

каждаго индивидуума въ борьбѣ за существованіе значительно повысились, и только съ помощью напряженія всѣхъ его душевныхъ силъ онъ можетъ удовлетворить этому требованію. Въ то же время потребности людей, требованія къ благамъ жизни во всѣхъ слояхъ повысились; неслыханная роскошь распространилась среди такихъ слоевъ, которые раньше были совершенно къ ней непричастны; атеизмъ, недовольство и алчность распространились въ широкихъ народныхъ кругахъ; благодаря безмѣрно возросшимъ способамъ сообщенія, благодаря охватывающей міръ проволочной сѣти, телеграфу и телефону, совершенно измѣнились условія жизни; все совершается съ поспѣшностью и волненіемъ, ночь употребляется для передвиженій, день для занятій, даже сами „поѣздки съ цѣлью возстановленія здоровья“ являются утомительными для нервной системы; большіе политическіе, промышленные и финансовые кризисы распространяютъ возбужденіе въ болѣе широкихъ слояхъ населенія, нежели раньше; участіе въ политической жизни сдѣлалось всеобщимъ; политическая, религіозная и соціальная борьба, партійная жизнь, выборная агитація, безмѣрно разросшіеся союзы разжигаютъ головы и побуждаютъ умы къ постоянно новому напряженію, отнимаютъ время, необходимое для возстановленія здоровья, для сна и покоя; жизнь въ большихъ городахъ сдѣлалась утонченнѣе и безпокойнѣе. Ослабленные нервы ищутъ возстановленія въ повышенномъ возбужденіи, въ сильныхъ опущеніяхъ, чтобы такимъ образомъ еще больше утомиться. Современная литература занимается по преимуществу самыми рискованными проблемами, которыя пробуждаютъ всѣ страсти, поощряютъ чувственность, страсть къ удовольствіямъ и вызываютъ презрѣніе ко всѣмъ этическимъ требованіямъ и идеаламъ. Она рисуетъ передъ читате-

лемъ патологическіе типы, занимается сексуально-психопатическими и революціонными проблемами. Нашъ слухъ возбуждается и раздражается отпущенной въ большой дозѣ надоѣдливой и шумной музыкой; театръ своими возбуждающими представленіями захватываетъ всѣ чувства, и изобразительныя искусства останавливаются съ любовью на отталкивающемъ, отвратительномъ и возбуждающемъ, не боясь самое ужасное, что даетъ дѣйствительность, изобразить съ отталкивающимъ реализмомъ. Уже эта общая картина указываетъ на рядъ опасностей въ нашемъ современномъ культурномъ развитіи; въ частностяхъ она можетъ быть пополнена еще нѣкоторыми штрихами.

Binswanger: [1]) „Неврастенію рисуютъ преимущественно какъ современную болѣзнь. Beard, которому мы впервые обязаны яснымъ описаніемъ этой болѣзни, думалъ, что онъ открылъ новую, спеціально на американской почвѣ выросшую, нервную болѣзнь. Это предположеніе было, конечно, ошибочнымъ, но характеренъ фактъ, что впервые американскій врачъ на основаніи богатаго опыта уловилъ своеобразныя черты этой болѣзни и установилъ ея близкую связь съ современной жизнью, съ ея необузданной поспѣшностью и погоней за деньгами и богатствами, необыкновенными успѣхами въ технической области, которые сдѣлали иллюзорными всѣ временныя и пространственныя препятствія“.

Krafft-Ebing: [2]) „Образъ жизни безчисленнаго количества культурныхъ людей указываетъ теперь на множество антигигіеничныхъ моментовъ, которые просто объясняютъ фатальное распространеніе нервозности, такъ какъ эти вредные моменты раньше и больше

---

[1]) Патологія и терапія неврастеніи. 1896 г.

[2]) Нервность и неврастеническія состоянія. 1895 г.

всего дѣйствуютъ на мозгъ. Въ политическихъ, соціальныхъ, особенно въ торговыхъ, промышленныхъ и аграрныхъ отношеніяхъ культурныхъ націй совершились измѣненія въ послѣднія десятилѣтія; это сильно повліяло на дѣятельность, гражданское и имущественное положеніе людей и именно за счетъ нервной системы, которая принуждена удовлетворять повышеннымъ соціальнымъ и экономическимъ требованіямъ увеличенной тратой напряженія при совершенно недостаточномъ возстановленіи".

Я не скажу, что вышеприведенные и многіе аналогичные имъ взгляды ошибочны, но они недостаточно объясняютъ частности въ происхожденіи нервныхъ разстройствъ и какъ разъ упускаютъ изъ виду самый главный этіологически дѣйствующій моментъ. Но если отвлечься отъ неопредѣленныхъ видовъ „нервности" и остановиться на опредѣленныхъ формахъ нервныхъ болѣзней, тогда вредное вліяніе культуры сводится главнымъ образомъ къ подавленію у культурныхъ народовъ (или въ культурныхъ слояхъ) сексуальной жизни, благодаря господству „культурной морали".

Подтвержденіе этого взгляда я старался привести въ цѣломъ рядѣ сцеціальныхъ работъ. [1]) Я не могу здѣсь вновь возвращаться къ тому-же самому, но главнѣйшіе аргументы, приведенные въ моихъ изслѣдованіяхъ, я хочу еще разъ повторить.

Внимательныя клиническія наблюденія даютъ намъ право различать въ нервныхъ заболѣваніяхъ двѣ группы: собственно неврозы и психо-неврозы При первыхъ. разстройства (симптомы), проявляющіяся въ физической или душевной области, имѣютъ, повидимому, токсическій характеръ; они совершенно

---

[1]) Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre. Wien. 1909.

похожи на явленія при слишкомъ большомъ или недостаточномъ притокѣ извѣстнаго рода яда. Эти неврозы, большею частью разсматриваемые какъ „неврастенія“, могутъ быть вызваны извѣстными вредными вліяніями половой жизни, не нуждаясь въ содѣйствіи наслѣдственности; и даже форма заболѣванія соотвѣтствуетъ характеру этихъ нарушеній, такъ что часто достаточно бываетъ только клинической картины для заключенія о сексуальномъ происхожденіи болѣзни. Но такого правильнаго соотвѣтствія между формой нервнаго заболѣванія и другими вредными культурными вліяніями, которыя врачи считаютъ болѣзнетворными, совершенно не замѣчается. Такимъ образомъ, нужно считать сексуальный факторъ главнѣйшимъ въ происхожденіи собственно неврозовъ.

При психо-неврозахъ наслѣдственное вліяніе значительнѣе, причина менѣе очевидна. Особенный методъ изслѣдованія, извѣстный подъ названіемъ психо-анализа, далъ возможность констатировать, что симптомы этихъ страданій (истеріи, навязчиваго невроза и т. д.) психогенны и находятся въ зависимости отъ дѣйствія безсознательныхъ представленій—комплексовъ. Этотъ же методъ научилъ насъ также узнавать эти безсознательные комплексы и показалъ, что они, говоря вообще, имѣютъ сексуальное содержаніе; они происходятъ отъ неудовлетворенныхъ сексуальныхъ потребностей человѣка и представляютъ рядъ замѣстителей этихъ потребностей. И такъ, во всѣхъ моментахъ, которые вредятъ сексуальной жизни, подавляютъ ее и отвращаютъ ее отъ ея цѣли, можно видѣть патогенные факторы также и для психо-неврозовъ.

Цѣнности теоретическаго различія между токсическими и психогенными неврозами нисколько, конечно, не вредитъ тотъ фактъ, что у большинства нервныхъ лицъ наблюдаются нарушенія того и другого рода.

Кто вмѣстѣ со мной готовъ искать этіологію нервности раньше всего во вредныхъ вліяніяхъ на сексуальную жизнь, тотъ присоединится также и къ нижеслѣдующимъ разъясненіямъ, которыя имѣютъ цѣлью привести въ болѣе общую связь вопросъ о растущей нервности.

Наша культура въ общемъ построена на подавленіи страстей. Каждый человѣкъ поступился частью своего достоянія, своей власти, агрессивныхъ и мстительныхъ наклонностей своей личности; изъ этихъ вкладовъ выросли матеріальныя и идеальныя блага общей культуры. Къ этому отреченію отдѣльныхъ индивидуумовъ побуждали, кромѣ жизненныхъ потребностей и фамильныя чувства, проистекающія изъ эротики. Это отреченіе на протяженіи культурнаго развитія человѣчества постоянно прогрессировало, отдѣльные успѣхи его были санкціонированы религіей. Часть страстей, отъ удовлетворенія которыхъ отказывались, приносилась въ жертву Богу. Пріобрѣтенное такимъ образомъ общее благо было объявлено «священнымъ». Кто не способенъ въ силу своей неподатливой организаціи подавить страсть, стоитъ противъ общества какъ «преступникъ», какъ «отщепенецъ», если только его соціальное положеніе и выдающіяся способности не позволяютъ ему выдвинуться въ качествѣ великаго человѣка или героя.

Сексуальный инстинктъ, или вѣрнѣе говоря, инстинкты, такъ какъ аналитическое изслѣдованіе, показываетъ, что сексуальный инстинктъ состоитъ изъ многихъ компонентовъ, парціальныхъ инстинктовъ,— у человѣка, вѣроятно, сильнѣе выраженъ, нежели у большинства высшихъ животныхъ и во всякомъ случаѣ постояннѣе, такъ какъ человѣкъ почти совершенно преодолѣлъ періодичность, съ которой этотъ инстинктъ связанъ у животныхъ. Онъ отдаетъ въ распоряженіе

культурной работы необыкновенно большую силу, вслѣдствіе особенной своеобразной способности его замѣщать свою непосредственную цѣль безъ существенной потери въ интенсивности. Эта способность замѣщать первоначально сексуальную цѣль другой несексуальной, но родственной психической, называется способностью къ сублимированію. Въ противовѣсъ этой способности къ замѣщенію, въ которой состоитъ культурная цѣнность этого инстинкта, въ немъ бываетъ и особенно упорная фиксація, благодаря которой онъ теряетъ способность замѣщенія и при случаѣ вырождается въ такъ наз. ненормальности (Abnormitäten). Первоначальная сила сексуальнаго инстинкта у различныхъ индивидуумовъ, вѣроятно, различна; несомнѣнно подвержена колебаніямъ и часть способная къ сублимированію. Мы представляемъ себѣ, что прирожденной организаціей предрѣшено, какая часть сексуальнаго инстинкта у отдѣльныхъ индивидуумовъ способна къ сублимированію и замѣщенію. Кромѣ того, жизненнымъ вліяніямъ и интеллектуальному воздѣйствію душевнаго аппарата удается сублимировать дальнѣйшую часть. Но безгранично продолжать этотъ процессъ замѣщенія несомнѣнно нельзя, точно такъ-же, какъ предѣльно превращеніе тепла въ механическую работу въ нашихъ машинахъ. Извѣстная часть непосредственнаго сексуальнаго удовлетворенія является неизбѣжной для большинства организмовъ, и неудовлетвореніе этой индивидуально варьирующей части наказуется явленіями, которыя мы, благодаря ихъ функціональному вреду и субъективно непріятному характеру, должны считать явленіями болѣзненными.

Дальнѣйшіе горизонты открываются, если мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что сексуальный инстинктъ первоначально имѣетъ цѣлью никакъ не раз-

множеніе, но извѣстное чувство удовольствія. [1]) Такъ онъ выражается въ дѣтствѣ человѣка, когда онъ свою цѣль—удовольствіе—достигаетъ не только съ помощью половыхъ органовъ, но также и черезъ посредство другихъ частей тѣла (эрогенныя зоны), а потому обращаетъ вниманіе только на эти удобные объекты. Мы называемъ эту стадію аутоэротизмомъ и ставимъ воспитанію задачу ее ограничить, такъ какъ длительная остановка на этой стадіи сдѣлала бы впослѣдствіи сексуальный инстинктъ не преодолимымъ и не способнымъ къ замѣщенію. Развитіе сексуальнаго инстинкта идетъ затѣмъ отъ аутоэротизма къ исканію объекта любви и отъ автономіи эрогенныхъ зонъ къ ихъ подчиненію примату половыхъ органовъ, которые служатъ процессу размноженія. Въ теченіе этого періода развитія одна часть доставляемаго собственнымъ тѣломъ сексуальнаго возбужденія дѣлается для функціи размноженія излишней, подавляется, и въ благопріятныхъ случаяхъ подвергается сублимаціи. Такимъ образомъ, годныя для культурной работы силы выигрываются большею частью подавленіемъ такъ называемыхъ извращеній сексуальнаго инстинкта.

Принимая эту точку зрѣнія на исторію развитія сексуальнаго инстинкта, можно было бы различить три ступени культуры: 1) на которой удовлетвореніе сексуальнаго чувства не преслѣдуетъ цѣли размноженія; 2) на которой все, не служащее цѣли размноженія, подавлено, и 3) на которой только законное размноженіе допускается какъ сексуальная цѣль. Этой третьей ступени соотвѣтствуетъ наша современная «культурная» сексуальная мораль.

---

[1]) Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Wien. 1905. Есть русск. переводъ: Теорія полового влеченія, въ изданіи «Психотерапевтической библіотеки», 1911.

Если принять за уровень вторую ступень, тогда нужно прежде всего констатировать, что часть людей по своей организаціи не удовлетворяетъ требованіямъ этой ступени. У цѣлаго ряда индивидуумовъ упомянутое развитіе сексуальнаго инстинкта отъ аутоэротизма къ любви, требующей объекта, совершилось недостаточно правильно и сильно; отъ этого неправильнаго развитія проистекаютъ двоякаго рода уклоненія отъ нормальной, т. е. требуемой культурой сексуальности, которыя относятся другъ къ другу какъ положительное къ отрицательному. Это раньше всего,—не говоря объ индивидуумахъ съ слишкомъ сильнымъ или вообще не поддающимся подавленію инстинктомъ,—различнаго рода извращенные индивидуумы, у которыхъ инфантильная фиксація на временной сексуальной цѣли задержала приматъ функціи размноженія; затѣмъ гомосексуальные, или инвертированные, у которыхъ по не совсѣмъ понятнымъ причинамъ сексуальная цѣль уклоняется отъ индивидуумовъ противоположнаго пола. Если вредъ отъ упомянутыхъ двухъ видовъ нарушеннаго развитія менѣе значителенъ, чѣмъ этого можно было ожидать, то этотъ благопріятный исходъ нужно искать именно въ сложномъ сочетаніи сексуальнаго инстинкта, которое даже тогда еще дѣлаетъ возможнымъ удовлетворительное сформированіе сексуальной жизни, когда одинъ или многіе компоненты исключены изъ развитія. Конституція индивидуумовъ, подверженныхъ извращенію, гомосексуальныхъ, отличается очень часто особенной способностью сексуальнаго инстинкта къ сублимаціи.

Болѣе сильное и подчасъ исключительное проявленіе извращеній и гомосексуальности дѣлаетъ этихъ людей во всякомъ случаѣ соціально безполезными и несчастными, такъ что даже культурныя требованія второй ступени могутъ быть признаны источникомъ

страданія для извѣстной части человѣчества. Судьба этихъ людей, отличныхъ по своей организаціи отъ другихъ, различна въ зависимости отъ болѣе сильнаго полового чувства, которымъ они обладаютъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при общемъ слабомъ половомъ чувствѣ—этимъ лицамъ удается полнѣйшее подавленіе склонности, находящейся въ противорѣчіи съ требованіями морали той ступени культуры, на которой они стоятъ. Но зато это является единственной работой, которая имъ удается, такъ какъ на подавленіе сексуальнаго чувства они употребляютъ тѣ силы, которыя въ противномъ случаѣ были бы употреблены на культурную работу. Они одновременно внутри связаны, а внѣ—парализованы. Съ ними случается то же самое, что мы потомъ повторимъ относительно мужчинъ и женщинъ, подвергающихся воздержанію, требуемому на третьей ступени культуры.

При интенсивномъ, но извращенномъ сексуальномъ инстинктѣ возможны два исхода. Первый (на которомъ мы не будемъ останавливаться), когда эти индивидуумы остаются при своемъ извращеніи и несутъ послѣдствія своего уклоненія отъ культурнаго уровня. Другой исходъ въ дальнѣйшемъ интереснѣе. Онъ состоитъ въ томъ, что при послѣдующемъ вліяніи воспитанія и соціальныхъ требованій достигается во всякомъ случаѣ подавленіе извращенныхъ инстинктовъ, но подавленіе собственно такого рода, что оно можетъ быть скорѣе названо неудачнымъ подавленіемъ.

Задержанные сексуальные инстинкты выражаются тогда не какъ таковые (въ этомъ и состоитъ успѣхъ), но проявляются въ другомъ видѣ, который для индивидуума также вреденъ и дѣлаетъ его для общества такимъ же безполезнымъ, какъ и при невидоизмѣненномъ удовлетвореніи подавленныхъ инстинктовъ; въ этомъ и состоитъ неудачный исходъ процесса. По-

являющіеся здѣсь вслѣдствіе подавленія инстинкта замѣстители и есть то, что мы трактуемъ какъ нервозность или, точнѣе, какъ психо-неврозы (см. выше).

Невротики—это тотъ классъ людей, которые при сопротивленіи со стороны организма, подъ вліяніемъ культурныхъ требованій только кажущимся образомъ и неудачно подавляютъ свои инстинкты и вслѣдствіе этого могутъ работать на пользу культуры только или съ большой затратой, или при внутреннемъ оскудѣніи, или же отъ времени до времени, какъ больные, должны отъ нея отказываться. Но неврозы я обозначилъ какъ «негативы» извращеній, такъ какъ послѣднія послѣ подавленія выявляются у невротиковъ изъ душевнаго безсознательнаго; неврозы содержатъ въ состояніи «подавленія» тѣ же склонности, которыя наблюдаются при позитивныхъ извращеніяхъ.

Опытъ показываетъ, что для большинства людей существуетъ граница, за предѣлами которой ихъ конституція не можетъ слѣдовать требованіямъ культуры. Всѣ тѣ, которые хотятъ быть лучше, чѣмъ позволяетъ ихъ конституція, подвергаются неврозамъ; они были бы здоровѣе, если бы имъ было возможно быть хуже. Взглядъ, что извращенія и неврозы относятся другъ къ другу, какъ положительное къ отрицательному, часто находитъ недвусмысленное подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ одной и той же семьей. Очень часто въ семьѣ братъ страдаетъ сексуальными извращеніями, сестра, у которой, какъ у женщины, сексуальное чувство слабѣе, неврастенична, но симптомы у нея выражаютъ тѣ же наклонности, что извращенія сексуально-активнаго брата; соотвѣтственно этому вообще въ большинствѣ семей мужчины здоровы, но съ точки зрѣнія соціальной въ нежелательной мѣрѣ аморальны, женщины благородны и слишкомъ щепетильны, но очень нервны.

Это есть одна изъ очевидныхъ соціальныхъ несправедливостей, что культурная мораль требуетъ отъ всѣхъ людей одинаковаго поведенія въ сексуальной жизни, поведенія, которое одному, благодаря его организаціи, дается легко, тогда какъ отъ другихъ требуются тяжелыя психическія жертвы,—несправедливость, которая, конечно, большею частью уничтожается неподчиненіемъ моральнымъ прописямъ.

До сихъ поръ мы разсматривали требованія, положенныя въ основу второй предполагаемой нами культурной ступени, согласно которой всякое, такъ называемое, извращеніе сексуальнаго удовлетворенія запрещено, и всякое, такъ называемое, нормальное половое общеніе, наоборотъ, оставлено свободнымъ. Мы нашли, что и при этомъ распредѣленіи сексуальной свободы и ограниченія часть индивидуумовъ страдаетъ извращеніями, другая часть, старающаяся этого избѣгнуть, хотя по своей конституціи и склонная къ нимъ, подвергается нервнымъ заболѣваніямъ. Такимъ образомъ, легко предвидѣть исходъ, если сексуальная свобода будетъ дольше ограничиваться, и культурныя требованія достигнутъ третьей ступени, т. е. когда всякое половое удовлетвореніе за исключеніемъ законно-брачнаго будетъ запрещено. Число сильныхъ, которые станутъ въ открытое противорѣчіе съ культурными требованіями, въ неимовѣрномъ количествѣ возрастетъ, точно также увеличится число слабыхъ, вступившихъ въ конфликтъ между требованіями культуры и сопротивленіемъ ихъ организма, а потому обреченныхъ на нервныя заболѣванія.

Поставимъ себѣ возникающіе здѣсь три вопроса: 1) какія задачи ставитъ передъ каждымъ третья ступень культуры, 2) въ состояніи ли принятое законное сексуальное удовлетвореніе дать пріемлемое возмѣщеніе за прежнее воздержаніе, и 3) въ какомъ от-

ношеніи находится могущій произойти отъ воздержанія вредъ къ его культурному использованію.

Отвѣтъ на первый вопросъ затрагиваетъ часто разсматриваемую и неисчерпаемую тему о сексуальномъ воздержаніи. Третья ступень культуры требуетъ воздержанія до брака отъ обоихъ половъ и воздержанія въ продолженіе всей жизни отъ лицъ, не вступающихъ въ бракъ. Удобный для всѣхъ авторитетовъ взглядъ, что сексуальное воздержаніе не вредно и легко выполнимо, защищался много разъ врачами. Нужно сказать, что покорить такой могучій инстинктъ, какъ половой, не путемъ удовлетворенія—это такая задача, которая требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ его силъ. Сублимировать его, отвлечь силы сексуальнаго инстинкта отъ его цѣли въ сторону высшей культурной цѣли возможно для ничтожнаго меньшинства и то временно, меньше всего въ пору пламенной юности. Большинство же большею частью дѣлается неврастениками или вообще платятся здоровьемъ. Опытъ показываетъ, что большинство членовъ нашего общества органически не способно къ воздержанію; кто заболѣлъ бы при менѣе суровомъ сексуальномъ воздержаніи, заболѣваетъ при требованіяхъ нашей современной культурной сексуальной морали еще скорѣе и интенсивнѣе, такъ какъ противъ угрозы со стороны нормальнаго полового стремленія вредными предрасположеніями и нарушеніями развитія мы не знаемъ лучшей защиты какъ удовлетвореніе инстинкта. Чѣмъ болѣе кто либо предрасположенъ къ неврозу, тѣмъ хуже онъ переноситъ воздержаніе; парціальные инстинкты, уклонившіеся въ нижеуказанномъ смыслѣ отъ нормальнаго развитія, дѣлаются одновременно въ такой же мѣрѣ недоступными подавленію. Но и тѣ, которые при требованіяхъ второй ступени культуры были бы здоровы, будутъ

въ большомъ числѣ подвержены неврозамъ, такъ какъ психическая цѣнность сексуальнаго удовлетворенія повышается съ отказомъ отъ него; задержанное libido приводится въ такое состояніе, что отыскиваетъ какія нибудь слабыя мѣста въ конструкціи vitae sexualis, въ которыхъ рѣдко ощущается недостатокъ, чтобы тамъ проявиться въ формѣ болѣзненныхъ симптомовъ, невротическихъ замѣстителей полового удовлетворенія. Кто умѣетъ проникнуть въ условія, при которыхъ происходятъ нервныя заболѣванія, тотъ сразу убѣдится, что ихъ распространеніе въ нашемъ обществѣ зависитъ отъ роста полового воздержанія.

Мы подходимъ ближе къ вопросу и спрашиваемъ, даетъ ли половое общеніе въ законномъ бракѣ полное вознагражденіе за воздержаніе до брака? Матеріалъ для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ такой богатый, что намъ необходимо быть наивозможно краткими. Мы должны раньше всего вспомнить, что наша культурная мораль ограничиваетъ половое общеніе въ самомъ бракѣ, когда она ставитъ супругамъ требованіе удовлетвориться однимъ или самымъ ничтожнымъ количествомъ дѣторожденій. Въ виду этого взгляда удовлетворяющее половое общеніе въ бракѣ существуетъ только нѣсколько лѣтъ, конечно, еще за вычетомъ времени, необходимаго для здоровья женщины изъ гигіеническихъ соображеній. Послѣ этихъ трехъ, четырехъ или пяти лѣтъ бракъ не даетъ счастья въ той степени, въ какой онъ обѣщалъ удовлетвореніе сексуальныхъ потребностей, такъ какъ всѣ средства, которыя до сихъ поръ употребляются какъ предохраненіе отъ зачатія, отравляютъ половое удовольствіе, мѣшаютъ тончайшимъ ощущеніямъ обоихъ половъ или дѣйствуютъ непосредственно болѣзнетворно; вмѣстѣ съ боязнью послѣдствій полового общенія исчезаетъ вначалѣ физическая любовь у супру-

говъ, а въ дальнѣйшемъ часто и духовная близость, которая предназначена быть наслѣдницей бурной вначалѣ страсти. Подъ вліяніемъ душевнаго разочарованія и физической неудовлетворенности, которыя такимъ образомъ являются судьбой большинства браковъ, оба супруга возвращаются къ состоянію, предшествовавшему браку, потерявъ еще одну иллюзію, и вновь приходятъ къ твердому намѣренію отдѣлаться, побѣдить сексуальный инстиктъ. Нѣтъ нужды углубляться въ разслѣдованіе, насколько это удается мужчинѣ въ зрѣломъ возрастѣ: по мѣрѣ опыта онъ пользуется, и довольно часто, частью сексуальной свободы, предоставленной ему, хотя молчаливо и неохотно, строжайшей сексуальной моралью. Сама существующая въ нашемъ обществѣ „двойная“ сексуальная мораль для мужчины является лучшимъ показателемъ того, что наше общество, сдѣлавшее эти предписанія, само не вѣритъ въ ихъ осуществимость. Но опытъ показываетъ также, что женщинамъ, которыя являются дѣйствительными носительницами сексуальныхъ интересовъ человѣчества, способность сублимированія инстинкта дана только въ слабой степени, и что замѣстителемъ сексуальнаго объекта является только грудной младенецъ, а не взрослый ребенокъ; женщины, говорю я, подъ вліяніемъ разочарованія въ бракѣ заболѣваютъ тяжелыми и длительно нарушающими жизнь неврозами. Бракъ при теперешнихъ культурныхъ условіяхъ давно пересталъ служить для женщинъ всеисцѣляющимъ средствомъ отъ нервныхъ страданій; и если мы, врачи, все еще въ такихъ случаяхъ совѣтуемъ это средство, то вѣдь мы, напротивъ, хорошо знаемъ, что дѣвушка, наоборотъ, должна быть очень здоровой, чтобы „переносить“ бракъ, и настойчиво совѣтуемъ нашимъ мужчинамъ паціентамъ не жениться на дѣвушкѣ, которая была нервна до брака. Цѣлеб-

нымъ средствомъ отъ проистекающей отъ брака нервности была бы скорѣе супружеская невѣрность. Но чѣмъ строже воспитана женщина, чѣмъ серьезнѣе она относится къ культурнымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе она боится этого исхода. И въ борьбѣ между потребностью плоти и чувствомъ долга она ищетъ убѣжища въ неврозѣ. Ничто не защищаетъ такъ ея добродѣтели, какъ болѣзнь. Брачная жизнь, на которую сексульный инстинктъ культурнаго человѣка въ юности возлагалъ надежды, не можетъ покрыть даже его собственныхъ требованій, и само собой не можетъ быть рѣчи, что она въ состояніи уничтожить вредъ, причиненный добрачнымъ воздержаніемъ.

Но кто даже признаетъ эти вредныя послѣдствія отъ культурной сексуальной морали, тотъ можетъ на нашъ третій вопросъ возразить, что культурный выигрышъ отъ такого воздержанія, вѣроятно, болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ эти страданія, которыя въ тяжелой формѣ поражаютъ только ничтожное количество людей. Я признаю себя неспособнымъ точно взвѣсить выигрышъ и проигрышъ, но для оцѣнки послѣдняго я могъ бы здѣсь еще кое что привести. Возвращаясь снова къ вопросу о воздержаніи, я долженъ сказать, что оно приноситъ еще другой вредъ помимо неврозовъ и что самые неврозы большею частью оцѣниваются не по ихъ дѣйствительному значенію.

Замедленіе сексуальнаго развитія и удовлетворенія, къ которымъ стремится наше воспитаніе и культура, вначалѣ, конечно, безвредны, они дѣлаются необходимостью, когда принимаешь во вниманіе какъ поздно молодые люди образованныхъ классовъ достигаютъ самостоятельности и обезпеченности. Здѣсь кромѣ того приходится напомнить о тѣсной связи между всѣми нашими культурными институтами, о трудности измѣнить часть ихъ, не принимая во вниманіе цѣлаго.

Но воздержаніе далеко за 20 лѣтъ для молодого человѣка не шутка, а имѣетъ другія вредныя послѣдствія, если и не ведетъ къ неврозу. Говорятъ, правда, что борьба со всѣми сильными страстями и необходимое при этомъ проявленіе этическихъ и эстетическихъ духовныхъ силъ «устанавливаетъ» характеръ. Это для нѣкоторыхъ, особенно благопріятно организованныхъ натуръ, вѣрно; нужно также признать, что существующая въ наше время такъ ясно выраженная дифференціація индивидуальныхъ характеровъ сдѣлалась возможной только при условіи сексуальныхъ ограниченій. Но въ гораздо большемъ числѣ случаевъ борьба съ чувственностью истощаетъ необходимую для характера энергію и какъ разъ въ такое время, когда молодому человѣку нужны всѣ силы, чтобы завоевать себѣ мѣсто въ обществѣ. Отношеніе между возможной сублимаціей и необходимостью сексуальнаго удовлетворенія колеблется, конечно, для отдѣльныхъ людей, даже для разныхъ призваній. Воздержаніе для художника почти едва возможно, воздержаніе для молодого ученаго—не рѣдкость. Послѣдній черезъ воздержаніе можетъ обрѣсти свободныя силы для своихъ занятій, у перваго художественная работоспособность, вѣроятно, будетъ сильно повышена, благодаря сексуальнымъ переживаніямъ. Въ общемъ я не вынесъ впечатлѣнія, что сексуальное воздержаніе способствуетъ образованію энергичныхъ, самостоятельныхъ людей дѣла, оригинальныхъ мыслителей, отважныхъ борцовъ за свободу или реформаторовъ. Гораздо чаще оно создаетъ хорошихъ, но слабыхъ людей, исчезающихъ позднѣе въ большой массѣ, которая обыкновенно неохотно повинуется импульсамъ, исходящимъ отъ сильныхъ людей.

Что въ цѣломъ сексуальный инстинктъ отличается устойчивостью и неподатливостью, видно по послѣдствіямъ воздержанія. Культурное воспитаніе стре-

мится только къ его временному подавленію до заключенія брака и тогда имѣетъ въ виду предоставить ему свободу, чтобы извлечь изъ него пользу для культуры. Но въ борьбѣ съ инстинктомъ крайнія мѣры дѣйствуютъ успѣшнѣе, чѣмъ полумѣры; подавленіе иногда заходитъ слишкомъ далеко и приноситъ нежелательные результаты: сексуальный инстинктъ, получивъ свободу проявленія, на долгое время оказывается поврежденнымъ. Поэтому часто полнѣйшее воздержаніе не является лучшей подготовкой къ браку для мужчины. Женщины чувствуютъ это и отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, которые уже выдержали испытаніе у другихъ женщинъ. Особенно ощутителенъ вредъ, вызванный строгими требованіями воздержанія до брака, по отношенію къ женщинѣ. Воспитаніе ставитъ себѣ задачей подавить въ дѣвушкѣ чувственность до замужества. Оно, очевидно, считаетъ эту задачу нелегкой, такъ какъ употребляетъ въ дѣло самыя крайнія средства; оно не только запрещаетъ сексуальное общеніе, не только устанавливаетъ высокую премію за сохраненіе дѣвственности, но оно удаляетъ зрѣющій женскій индивидуумъ отъ соблазна, держа его въ невѣдѣніи насчетъ фактически принадлежащей ему роли и не допуская никакого увлеченія, не ведущаго къ браку. Послѣдствіемъ является то, что дѣвушки, которымъ родительской властью внезапно разрѣшено влюбляться, не въ состояніи справиться съ психической работой и вступаютъ въ бракъ неувѣренныя въ своихъ собственныхъ чувствахъ. Вслѣдствіе этого искусственнаго замедленія сексуальнаго развитія, онѣ приносятъ мужьямъ, берегшимъ для нихъ всѣ свои желанія, только разочарованія; своими душевными чувствами онѣ принадлежатъ еще родителямъ, авторитетъ которыхъ подавилъ въ нихъ сексуальность, а въ физическомъ отношеніи онѣ оказываются холод-

ными, что отнимаетъ у мужчины всякое высшее наслажденіе. Я не знаю, существуетъ ли типъ анестетичной женщины и внѣ культурныхъ условій воспитанія, но считаю это возможнымъ. Во всякомъ случаѣ черезъ воспитаніе его культивируютъ. Женщины, не испытывающія наслажденія при зачатіи, мало склонны къ частымъ родамъ, связаннымъ со страданіями. Такимъ образомъ, подготовленіемъ къ браку губятся сами цѣли брака; когда женщина, наконецъ, поборола послѣдствія земедленнаго сексуальнаго развитія, и на высотѣ ея женскаго существованія вполнѣ пробуждается способность любить, тогда отношенія ея къ мужу уже давно испорчены и, какъ вознагражденіе за ея до сихъ поръ длившуюся покорность, ей остается выборъ между неудовлетвореннымъ желаніемъ, невѣрностью или неврозомъ.

Сексуальное поведеніе человѣка является очень часто прототипомъ его общаго реагированія и поведенія въ жизни. Кто, какъ мужчина, энергично овладѣлъ своимъ сексуальнымъ объектомъ, въ томъ мы допускаемъ такую же безпощадную энергію въ преслѣдованіи другихъ цѣлей. Кто, наоборотъ, изъ различнаго рода соображеній отказывается отъ своихъ сильныхъ сексуальныхъ чувствъ, тотъ будетъ въ жизни скорѣе мирнымъ и покорнымъ, чѣмъ дѣйственно-сильнымъ. Примѣнимость этого положенія, что сексуальная жизнь является прототипомъ проявленій другихъ функцій, можно провѣрить на примѣрѣ всего женскаго пола. Воспитаніе запрещаетъ женщинамъ проявлять интеллектуальный интересъ къ сексуальнымъ проблемамъ, интересъ, свойственный имъ отъ рожденія. Воспитаніе пугаетъ ихъ тѣмъ, что такая любознательность не женственна и является признакомъ грѣховныхъ желаній. Этимъ ихъ вообще отпугиваютъ отъ мышленія, знаніе для нихъ обезцѣни-

вается. Запретъ мыслить выходитъ за предѣлы сексуальной сферы, частью вслѣдствіе ея непосредственной связи съ другими проблемами, частью автоматически, совершенно такъ-же, какъ это бываетъ у мужчинъ съ запретомъ мышленія въ области религіи, законное у вѣрноподданныхъ. Я не думаю, что біологическое противорѣчіе между интеллектуальной работой и половой функціей объясняетъ «физіологическое слабоуміе» женщины, какъ это изображаетъ Moebius въ своемъ богатомъ противорѣчіями произведеніи. Я допускаю, напротивъ, что несомнѣнный фактъ низко стоящей интеллектуальности многихъ женщинъ можно отнести на счетъ задерживаемой, съ цѣлью подавленія сексуальности, работы мысли.

Разсматривая вопросъ о воздержаніи, не проводятъ строгой разницы между двумя видами воздержанія: воздержаніе отъ всякаго сексуальнаго удовлетворенія и воздержаніе только отъ сексуальнаго общенія съ другимъ поломъ. Многіе, хвастающіеся достигнутымъ воздержаніемъ, на самомъ дѣлѣ достигаютъ этого только съ помощью мастурбаціи и другого подобнаго способа удовлетворенія, которое находится въ связи, съ ауто-эротическимъ сексуальнымъ удовлетвореніемъ въ раннемъ дѣтствѣ. Но именно благодаря такой связи эти замѣстители сексуальнаго удовлетворенія ни въ коемъ случаѣ не безобидны, они предрасполагаютъ къ многочисленнымъ формамъ неврозовъ и психозовъ, для которыхъ являются условіемъ возвращенія сексуальной жизни къ ея инфантильнымъ формамъ. Мастурбація ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ идеальнымъ требованіямъ культурной сексуальной морали, а потому приводитъ молодыхъ людей къ тому же конфликту съ идеалами воспитанія, конфликту, котораго они старались избѣгнуть путемъ воздержанія. Кромѣ того, она портитъ характеръ, избаловывая его во многихъ отно-

шеніяхъ. во-первыхъ, тѣмъ, что учитъ достигать серьезныхъ цѣлей удобнымъ и легкимъ путемъ, вмѣсто развитія энергичнаго напряженія силъ, словомъ по принципу сексуальнаго прототипа; во-вторыхъ, въ фантазіяхъ, сопровождающихъ наслажденіе, мастурбація подымаетъ на такую высоту сексуальный объектъ, до которой онъ никогда не подымается въ дѣйствительности. Могъ же остроумный публицистъ (Kraus въ вѣнскомъ «Факелѣ»), вывернувъ на изнанку афоризмъ, съ цинизмомъ выразить правду въ слѣдующей формѣ: coitus только недостаточный суррогатъ онанизма.

Строгость культурныхъ требованій и трудность задачи воздержанія способствовали тому, чтобы устраненіе соприкосновенія половыхъ органовъ различныхъ половъ сдѣлалось самымъ существеннымъ въ задачѣ воздержанія, и содѣйствовали развитію другихъ способовъ сексуальнаго удовлетворенія, которыя, такъ сказать, равняются полуподчиненію. Съ тѣхъ поръ какъ нормальное сексуальное общеніе такъ неумолимо преслѣдуется моралью, и въ виду возможной инфекціи—и требованій гигіены—соціальное значеніе такъ назыв. извращенныхъ способовъ общенія между обоими полами несомнѣнно увеличилось, при чемъ и другія части тѣла переняли роль половыхъ органовъ. Но этотъ способъ удовлетворенія не можетъ быть признанъ такимъ безобиднымъ, какъ аналогичныя нарушенія въ любовныхъ отношеніяхъ; онъ этически непріемлемъ, такъ какъ онъ любовь двухъ людей изъ серьезнаго факта низводитъ на степень удобной игры безъ опасности и безъ духовнаго общенія. Дальнѣйшее слѣдствіе затрудненія нормальной сексуальной жизни это—распространеніе гомосексуальности. Къ лицамъ, уже по своей организаціи гомосексуальнымъ или сдѣлавшимся таковыми въ дѣтствѣ, прибавляется

огромное число тѣхъ, у которыхъ въ зрѣломъ возрастѣ, вслѣдствіе закрытія главнаго русла, libido устремляется въ широко открытое боковое русло гомосексуальности.

Всѣ эти неизбѣжныя и непредвидимыя послѣдствія воздержанія приводятъ къ одному: они кореннымъ образомъ портятъ подготовку къ браку, который по задачѣ культурной сексуальной морали долженъ сдѣлаться единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ сексуальныхъ стремленій. Всѣ тѣ мужчины, которые вслѣдствіе мастурбаціи или извращенныхъ способовъ сексуальнаго удовлетворенія проявляютъ свое libido не при нормальныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, обнаруживаютъ въ бракѣ пониженную потенцію. И женщины, которымъ тоже только такимъ способомъ удалось сохранить свою дѣвственность, обнаруживаютъ въ бракѣ при нормальныхъ сношеніяхъ анестезію. Бракъ, въ которомъ обѣ стороны проявляютъ пониженную способность любить, подвергается расторженію еще раньше, чѣмъ какой либо другой. Вслѣдствіе слабой потенціи мужа, жена неудовлетворена и остается анестетичной даже въ томъ случаѣ, если бы привитая воспитаніемъ анестезія и могла быть преодолена сильными сексуальными переживаніями. Для такой четы труднѣе, чѣмъ для здоровой, предупредить зачатіе, такъ какъ слабая потенція мужа плохо переноситъ примѣненіе предохранительныхъ средствъ. Въ такомъ безпомощномъ состояніи сексуальное общеніе дѣлается источникомъ всякихъ недоразумѣній и такимъ образомъ изчезаетъ основаніе для супружеской жизни.

Я прошу всѣхъ знающихъ подтвердить, что я не преувеличиваю, но описываю то положеніе вещей, какое можно наблюдать очень часто. Дѣйствительно непривычному человѣку трудно повѣрить, какъ рѣдко

наблюдается нормальная потенція у мужчинъ и какъ часто встрѣчается анестезія у женской половины супружескихъ четъ, которыя живутъ подъ господствомъ нашей сексуальной морали, съ какими лишеніями для обѣихъ сторонъ связанъ бракъ и на сколько послѣдній, это страстно желанное счастье, является мало удовлетворяющимъ. Что при этихъ обстоятельствахъ ближайшимъ исходомъ является нервность, я уже показалъ; но я хочу еще указать, въ какой степени такой бракъ вліяетъ на рожденныхъ отъ него дѣтей. Здѣсь наблюдается видъ наслѣдственнаго перенесенія, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи объясняется вліяніемъ дѣтскихъ переживаній. Неудовлетворенная мужемъ нервная женщина становится слишкомъ нѣжной и мнительной по отношенію къ ребенку, на котораго она переноситъ свою неудовлетворенную любовь, и будитъ въ немъ преждевременную половую зрѣлость. Тяжелыя недоразумѣнія между родителями рано пробуждаютъ жизнь чувства у ребенка и дѣлаютъ его въ нѣжномъ возрастѣ воспріимчивымъ къ любви, ненависти и ревности. Строгое воспитаніе, которое не допускаетъ никакого удовлетворенія такъ рано пробудившагося сексуальнаго инстинкта, вызываетъ къ жизни задерживающую силу, и этотъ конфликтъ, возникающій въ этомъ возрастѣ, заключаетъ въ себѣ все, что обусловливаетъ впослѣдствіи, длящуюся всю жизнь, нервозность.

Я прихожу къ моему прежнему мнѣнію, что при сужденіяхъ о неврозахъ большею частью не принимаютъ во вниманіе все значеніе ихъ. Я не имѣю здѣсь въ виду недооцѣнку этого состоянія со стороны близкихъ, и хвастливыя увѣренія со стороны врачей, что нѣсколько недѣль гидропатіи, или нѣсколько мѣсяцевъ покоя и отдыха могутъ измѣнить состояніе больного. Это большею частью мнѣнія невѣжественныхъ врачей

и профановъ, разговоры, имѣющіе цѣлью принести кратковременное утѣшеніе больному. Гораздо болѣе извѣстно, что хроническій неврозъ, если онъ даже не угрожаетъ жизни, представляетъ тяжелое бремя и его можно ставить на ряду съ туберкулезомъ и пороками сердца. Можно было бы утѣшаться, если бы невротическія заболѣванія исключали изъ культурной работы только часть слабѣйшихъ индивидуумовъ, а другой части позволяли бы въ ней участвовать хотя бы цѣной только субъективныхъ страданій. Я скорѣе хотѣлъ бы обратить вниманіе на ту точку зрѣнія, что неврозъ умѣетъ препятствовать культурнымъ намѣреніямъ и заботиться именно о работѣ подавленныхъ, враждебныхъ культурѣ, душевныхъ силъ и общество не можетъ отмѣтить ни одного пріобрѣтеннаго жертвами выигрыша, разъ оно платитъ за подчиненіе слишкомъ далеко заходящимъ требованіямъ увеличеніемъ нервозности.

Возьмемъ для примѣра женщину,—такъ часто встрѣчающееся явленіе,—которая не любитъ своего мужа, потому что она по условіямъ ея замужества и опыту супружеской жизни не имѣетъ основанія его любить, но которая хотѣла бы любить, такъ какъ это одно отвѣчаетъ идеалу супружества, въ которомъ она воспитывалась. Она будетъ подавлять въ себѣ всѣ движенія, которыя могутъ обнаружить правду и противорѣчатъ ея идеалу и будетъ употреблять усилія, чтобы играть роль нѣжной и заботливой жены. Послѣдствіемъ этого самоподавленія будетъ неврозъ, который въ теченіе короткаго времени отомститъ нелюбимому мужу, вызвавъ въ немъ ровно столько же неудовлетворенности и заботъ, сколько дало-бы признаніе истиннаго положенія вещей. Этотъ примѣръ очень типиченъ для работы невроза. Такую же неудачу компенсаціи наблюдаютъ часто при подавленіи другихъ, не непрямо

сексуальныхъ, враждебныхъ культурѣ силъ. Кто, напр., насильно подавилъ въ себѣ природную склонность къ суровости и жестокости и сдѣлался «сверхдобрымъ», тотъ часто на эту работу потратилъ столько энергіи, что онъ не въ состояніи осуществить всего того, что соотвѣтствуетъ его компенсаціоннымъ побужденіямъ, и въ цѣломъ онъ скорѣе сдѣлаетъ меньше добра, чѣмъ онъ могъ бы это сдѣлать, не подавляя природныхъ склонностей.

Если мы еще прибавимъ, что съ ограниченіемъ сексуальнаго удовлетворенія у народа наступаетъ обыкновенно увеличеніе страха жизни и боязнь смерти, которая отравляетъ удовольствіе каждаго отдѣльнаго человѣка, отнимаетъ способность умирать за какую нибудь цѣль, сказывается также въ пониженіи склонности къ дѣторожденію и исключаетъ, такимъ образомъ, этотъ народъ или группу людей изъ участія въ будущемъ, тогда нужно поставить вопросъ, стоитъ ли наша культурная сексуальная мораль тѣхъ жертвъ, которыхъ она отъ насъ требуетъ, въ особенности, если общество не въ такой степени освободилось отъ гедонизма, чтобы извѣстную мѣру удовлетворенія индивидуальнаго счастья не ставить одной изъ цѣлей нашего культурнаго развитія.

Не дѣло врача выступать съ предложеніемъ реформъ; но я думалъ, что могу подтвердить необходимость таковыхъ, если подкрѣплю взглядъ Ehrenfels'а о вредѣ нашей «культурной» сексуальной морали указаніемъ на значеніе ея въ распространеніи современной нервности.

БИБЛІОТЕКА «ПСИХОТЕРАПІИ». № 2.

РОЛЕДЕРЪ.

ОСНОВЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ.

Для врачей, родителей и воспитателей. *(Печатается).*

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ

М. М. АСАТІАНИ, А. Н. БЕРНШТЕЙНА, Ю. В. КАННАБИХА, Н. Е. ОСИПОВА, О. Б. ФЕЛЬЦМАНА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ВЫРУБОВА.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписная цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **4 руб.**, за границу 5 руб. Цѣна отдѣльной книжки—90 коп. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи „Психотерапіи“: **Москва**, Тверская, 68. Телефонъ 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Журналъ ставитъ своею задачей разработку и освѣщеніе вопросовъ психотерапіи какъ въ отношеніи старыхъ ея методовъ—внушенія и гипнотизма, такъ и новѣйшихъ методовъ — Freud'a и Dubois и др. съ ихъ видоизмѣненіями. Большое вниманіе журналъ удѣляетъ также разсмотрѣнію вопросовъ нормальной и патологической психологіи, знакомство съ которыми представляется необходимой основой для раціональныхъ психотерапевтическихъ воздѣйствій. Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій, обзоровъ, рефератовъ, рецензій и проч., журналъ даетъ статьи общаго содержанія, затрогивающія, въ широкомъ смыслѣ слова, проблемы человѣческаго духа.

Ц. 35 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Психотерапія»,
Москва, Тверская, 68.